

очистившись, мы сможем подняться благодаря небесной сублимации, коя... освобождает нас от всех грехов и всей нечистоты нашей».

Таким образом, для средневекового алхимика реализация Великого Делания не была банальным достижением, так сказать, «мирского» результата по завершении материальных процессов - для него это являлось исполнением поистине священного акта. Алхимическое Великое Делание для него было подобно, в известном смысле, церковной мессе.

В своей «Практике» Раймонд Луллий писал: «Сын мой, во имя Господа нашего, претерпевшего жестокую смерть из любви к грешникам, начинай исполнение нашего философского делания, осенив его знаком креста, дабы не сумел дьявол воспрепятствовать твоей работе».

Рипли в прологе к «Двенадцати вратам» пишет: «В начале сего труда услышь, о Господи, мою молитву, дабы милость твоя умножила мое знание, а могущество десницы твоей защитило мой труд, чтобы зря не пропало время данной мне жизни...»

Одним из наиболее любопытных свидетельств, оставленных средневековым христианским герметизмом, продолжает быть «Книга о Святой Троице», хранящаяся в Мюнхене, труд безвестного немецкого монаха-алхимика. Этот манускрипт содержит миниатюры в характерном стиле XV века, в которых отчетливо проступает сочетание алхимических секретов с церковными догмами.

В своем трактате «Забывтое слово» Бернар Тревизан проводит параллель между догматом о Троице и тремя алхимическими началами (сера, ртуть и соль): «Есть троица в единстве и единство в троице, кою образуют тело, дух и душа. Подобна ей другая троица - сера, ртуть и мышьяк».[13]

Подобным образом и в ту же самую эпоху английский адепт Джордж Рипли уподобил Великое Делание победе, одержанной над первобытным грехопадением: «Оба, мир и камень, вышли из бесформенной массы. Низвержение Люцифера, как и первородный грех, символизирует собой порчу простых металлов».

По поводу таинственного секретного огня, необходимого для успеха Великого Делания, Василий Валентин в своей «Микроскопии» написал следующие загадочные слова: «О слепой мир, не способный распознать *ens naturae concentratum* (концентрированную сущность природы), *quinta essentia solis et lunae et omnium regum* (квинтэссенцию Солнца и Луны и всех вещей). Ты имеешь перед собой достаточный огонь, неистовую субстанцию пылающей сущности, наиболее едкое вещество милосердной природы, и бежишь от него, словно дьявол, в своем чистом невежестве и небрежении».

Речь шла - по крайней мере, как мы склонны полагать - о том, чтобы суметь уловить сам принцип, одушевляющий все вещи, иначе говоря, извлечь его, дабы он объявил себя*. Здесь перед нами предстает в действии один из постулатов Великого Делания: возможность воспроизвести, в реторте или в тигле, то, что происходило в начале земного цикла, когда материя была организована под действием Божественного света, Начального огня.

Даниэль де Морли, теолог XIII века (ставший в 1220 году епископом Парижским), в своей «Книге о природах дольных и горных» дал следующее определение алхимии:

«...Наука о трансмутации металлов в другие виды, наука образов, кои Тот греческий (то есть Гермес Трисмегист) показывает в великой и универсальной "Книге Венеры"; наука зеркал... как это показывает Аристотель в трактате о варке стекла».

В своем труде "*Speculum naturae*" («Зеркало природы») Винсент из Бовэ говорит о «камне и эликсире, для получения которых искусство имитирует природу».

Имеются тексты, которые, хотя и дают основание для символических трактовок, тем не менее содержат описание конкретных явлений. Таков, например, трактат Василия Валентина «Двенадцать ключей философии», отрывок из которого процитируем:

«Человек дважды огненный (соединение двух начал) должен питаться белым лебедем; два начала уничтожат друг друга и вновь возвратятся к жизни. И воздух четырех частей